

склонны распоряджаться хозяйственным бытом казаков, как стрессовой шеренгой... На этой почве разыгрываются порой анекдоты чисто щедринского жанра». И Короленко рассказывает историю действительно «щедринского жанра». Так, одному «бравому атаману» не понравилось, что в городе много плетней, и он распорядился, чтобы плетни были заменены заборами. Когда приказание не было исполнено, атаман собрал «служилых казаков» и «с этой армией двинулся против плетней». Плетни были сожжены, на их месте выросли новые [2, т. 6, с. 148]. Этот «анекдот» действительно напоминает эпизод деятельности градоначальника Негодяева из «Истории одного города», «размостившего вымощенные предместниками его улицы и из добротного камня настроившего монументов» [13, т. 8, с. 279].

Короленко был убежденным сторонником равенства наций. Здоровый «непосредственный патриотизм» он противопоставлял национализму, который считал «патриотизмом, наступающим на других, воинствующим, оскорбляющим» [2, т. 6, с. 289]. Когда в начале XX столетия, особенно в период русско-японской войны, в России разыгрались шовинистические настроения и создавались разные общества «истинно русских людей», Короленко выступил с рядом острых статей, обличавших этот политически опасный «ура-патриотизм»³. Особый гнев писателя вызвала брошюра какого-то сибирского «патриота», издавшего руководство «Сибирский переводчик по линии строящихся Сибирской и Уральской железных дорог». В этом «образце националистической филологии» автор в числе «нужнейших слов» для водворения русской культуры на Востоке рекомендовал в большом изобилии следующие: *бранить, бушевать, дать пощечину, душить, заковать в кандалы, зудить, изувечить, класть клеймо, колотить, кровь пускать (...), разгромить, разорить, сечь розгами* и т. д. и т. п. «Как видите,— заключает Короленко,— автор заботился о выразительности и полноте лексикона, который с большим удобством мог бы быть сведен в краткую формулу щедринского помпадура Брудастого: „Раззорю, не потерплю!“» [14, с. 142].

Таким образом, «формула щедринского помпадура», с точки зрения Короленко, продолжала господствовать во всех сферах современной русской жизни. Она раскрывала в лаконичной форме и антигуманную лжепатриотическую сущность воинствующего национализма начала XX в.

Нередко события прошлого, запечатленные Щедриным, ассоциируются в восприятии Короленко с событиями недавних дней, бросают яркий отсвет на явления политической жизни русского общества последующих лет. Так, например, очеркнув ряд абзацев начала гл. IX «Неоконченных бесед» Щедрина, где речь идет о злопыхательствах в период после первоапрельской реакции охранительной печати против передовой интеллигенции, о призывах «простецов-обывателей» «топить интеллигентов, делать им встряски», Короленко на форзаце книги написал: «Охранители об интеллигенции. Черная сотня». С присущей ему чуткостью, Короленко воспринял политическую родственность одновременных явлений, одни и те же социально-исторические их корни.

Размышления Короленко, связанные с выборами в Государственную Думу, также находят выражение в «формулах» Щедрина.

В четвертой главе очерков «За рубежом» Щедрин, противопоставляя увлечения русской молодежи 40-х годов настроениям интеллигенции 80-х, писал: «Мы с неподдельным волнением следили за перипетиями драмы последних лет царствования Луи-Филиппа и с упоением зачитывались „Историей десятилетия“ Луи Блана. Теперь, когда уровень требований значительно понизился, мы говорим: „Нам хоть бы Гизо — и то слава Богу!“» [13, т. 14, с. 113]. В письме В. Г. Короленко к Н. Ф. Анненскому от 12 февраля 1907 г. читаем: «Пора дать себе отчет: чего хотят от Думы. А что русская дальнейшая история уже пойдет с Думой (хотя бы она и еще была распущена) — это несомненно. „Плохонький

³ «Патриотизм, национализм и „Лига русского общества“» (Русское богатство. 1901. № 5); «Несколько слов о клеветническом патриотизме» (Русское богатство. 1905. № 2) и др.

